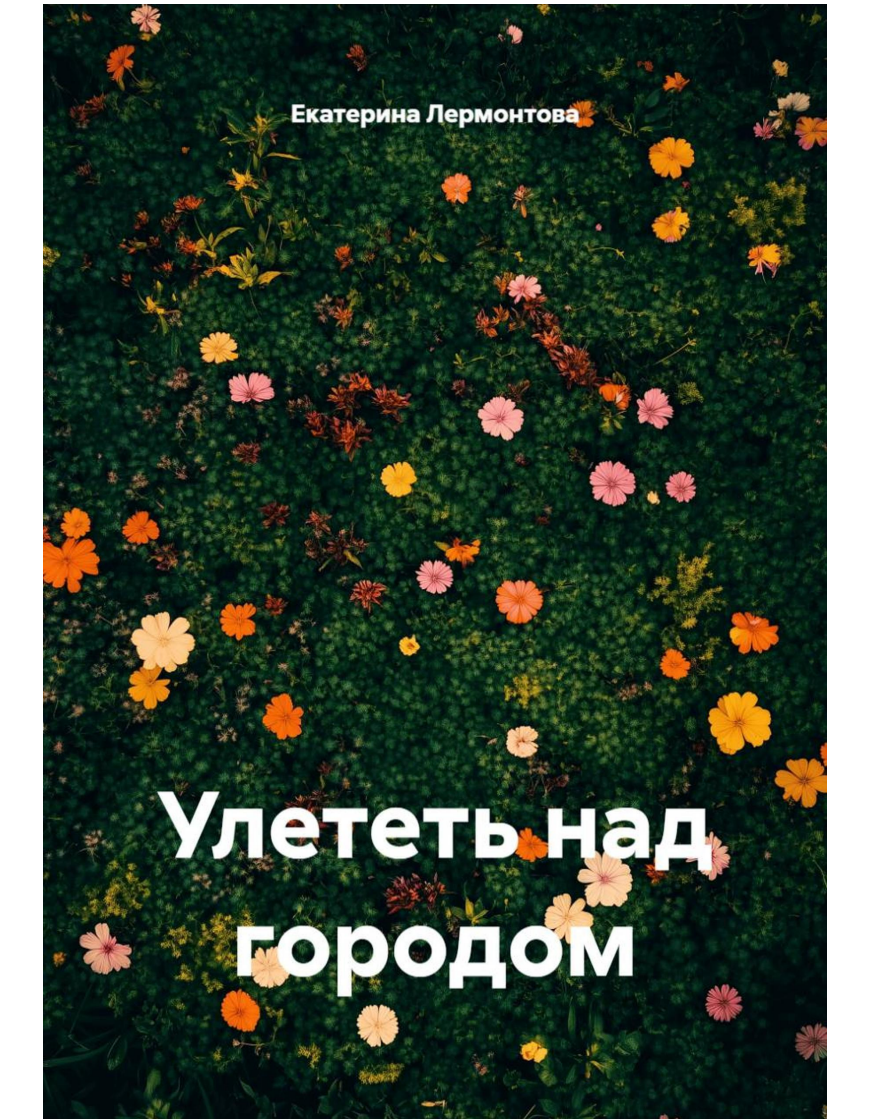




Екатерина Лермонтова

Улететь над городом

Екатерина Лермонтова

Улететь над городом

<https://litres.ru/74423668>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Лизы Соболевой было всё, о чём можно мечтать: престижная работа в архитектурном бюро, статусный жених-адвокат, идеальная картинка жизни, которой могли бы позавидовать многие. Но в один серый питерский день она поняла главное: она живёт не своей жизнью. Она — лишь винтик в чужом сценарии.

Уволившись и разорвав помолвку, Лиза случайно заходит в старый книжный магазин на окраине города. Там она встречает Сашу — странного книготорговца с зелёными глазами, который не носит галстуков, не строит карьеру и живёт среди историй. Он становится её первым читателем, её убежищем и тем человеком, который показывает ей, что свобода — это не страшно.

Но прошлое не хочет отпускать. Бывший жених требует вернуться, родители не понимают, а новая жизнь оказывается сложнее, чем казалось. Сможет ли Лиза написать свою собственную историю и найти в ней место для настоящей любви?

Содержание

Тот, кто не смотрит на часы	4
Там, где слова обретают вес	23
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Улететь над городом

Тот, кто не смотрит на часы

Запах кофе в «Кофейной паузе» всегда был неизменным — густым, терпким, с едва уловимой ноткой шоколада и корицы. Этот запах стал для Лизы синонимом утра, стабильности и того особого уюта, который она так ценила. Она могла бы закрыть глаза и, вдохнув, точно определить, что сейчас семь утра, за окном серый питерский рассвет, а на плите стоит ее любимая турка, подаренная бабушкой. Но сегодня даже привычный аромат не приносил успокоения.

Лиза стояла у окна своей маленькой студии на шестом этаже и смотрела вниз, на просыпающийся город. Машины уже начали свой утренний танец, люди, похожие на крошечных муравьев, спешили по своим делам, сжимая в руках пластиковые стаканчики. Мир за стеклом двигался с ускоренной скоростью, а внутри нее, казалось, время остановилось.

— Ты опять не спишь, — раздался сонный голос из-за спины. — Лиза, солнце, который час?

Она обернулась. Марк, ее жених, стоял в дверном проеме, щурясь от утреннего света. Его темные волосы были взлохмачены, а на лице застыло выражение легкой обиды на то, что его лишили утреннего тепла ее тела в постели. Он был красив той правильной, голливудской красотой, которая все-

гда заставляла девушек оборачиваться ему вслед. Высокий, атлетичный, с волевым подбородком и пронзительными голубыми глазами. Таким его знали все. Таким его любила она. Или думала, что любит.

— Полседьмого, — ответила Лиза, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я не могла уснуть.

— Опять эта бессонница? — Марк подошел к ней, обнял за талию и поцеловал в макушку. Его руки были сильными и уверенными, от него пахло дорогим гелем для душа и мятой. — Я же говорил тебе, нужно меньше переживать. Ты слишком много работаешь. Приемы, поездки, эти бесконечные проекты. Ты превращаешь себя в машину.

Лиза слабо улыбнулась. Как же легко он все объяснял. Работа. Да, она много работала. Семь лет выстраивала свою репутацию в архитектурном бюро «Вертикаль», доказывала, что она не просто девушка с хорошим вкусом, а профессионал, способный вести сложные объекты. И теперь, когда ей, наконец, предложили стать партнером, она должна была чувствовать триумф. Вместо этого она чувствовала пустоту.

— Марк, я тут подумала... — начала она, но он перебил ее, не дав закончить.

— О, боже, только не говори мне, что ты снова хочешь отложить свадьбу, — он отстранился и заглянул ей в глаза. В его взгляде промелькнула тень раздражения, которую он тут же спрятал за улыбкой. — Лиза, мы обсуждали это сто раз. Свадьба через три месяца. Все готово. Ресторан, пригла-

шения, твоё платье висит у мамы. Не начинай снова искать проблемы там, где их нет. Мы идеально подходим друг другу, ты же знаешь.

«Идеально». Это слово застряло у нее в горле. Он был идеален: успешный адвокат, любимый зять для ее родителей, блестящий собеседник для ее коллег. Их совместные фотографии в Instagram всегда собирали сотни лайков. Высокие отношения, высокая зарплата, высокая жизнь. Но что-то в этой «идеальности» оставляло ощущение, что она живет по чужому сценарию. Сценарию, написанному для нее кем-то другим.

— Просто... вчера на презентации проекта, — выдавила она, чувствуя, как слова застревают в горле, — я поняла, что не хочу делать то, что делаю.

Марк уставился на нее так, будто она сообщила ему, что собирается улететь на Марс.

— Что? — его голос стал жестче. — Ты шутишь? Лиза, ты почти на вершине. Еще один рывок — и ты партнер. Ты этого хотела. Мы строили планы. Или ты хочешь сказать, что собираешься променять карьеру на... не знаю, на какое-то хобби?

— Я хочу написать книгу, — тихо сказала она.

Повисла тишина. За окном просигналила машина, и звук показался оглушительным.

— Книгу? — переспросил Марк, и в его голосе послышалась насмешка. — Лиза, ты архитектор, а не писатель. Это

кризис среднего возраста. Тебе просто нужно взять отпуск. Сгоняем на море? Я куплю билеты на следующей неделе. Полежим на пляже, выпьешь — и вся эта ерунда вылетит из головы.

Он говорил так уверенно, так снисходительно, что Лизе вдруг стало страшно холодно. Он не слышал ее. Он слышал свои планы, которые она должна была воплощать в жизнь.

— Я не хочу на море, Марк. Я хочу понять, кто я такая на самом деле.

— Ты — моя невеста. И скоро будешь моей женой. Этого достаточно. А теперь иди сюда, — он снова потянулся к ней, пытаясь поцеловать, и его настойчивость показалась ей почти грубой. — Хватит глупостей. Соберись.

Лиза мягко, но настойчиво высвободилась из его объятий.

— Мне нужно на работу. Встреча в девять.

Она прошла в ванную и закрыла дверь. Посмотрела на свое отражение: бледная кожа, круги под глазами, волосы, собранные в небрежный пучок. «Кто ты, Лиза?» — спросила она себя. — «Архитектор? Невеста? Чья-то тень?»

Она знала, что сегодня, в девять утра, она подпишет контракт о партнерстве. Через час она станет совладелицей «Вертикали». Это был ее шанс. Деньги, статус, уважение. Все, о чем она мечтала десять лет назад. Но почему же сейчас, глядя на запотевшее стекло, она хотела сбежать? Сбежать от этого офиса с его стеклянными стенами, от бесконечных созвонов, от Марка с его планами, от родителей, ко-

которые считали, что она наконец-то «правильно» устроилась в жизни.

Горячая вода смывала с нее ночную усталость, но не смыла ту тяжесть, что скопилась в груди. Она вышла, оделась в строгий серый костюм, который делал ее старше своих двадцати восьми, и взяла сумку. Марк уже был в гостиной, говорил по телефону с кем-то из клиентов, энергично жестикулируя. Он бросил на нее взгляд, полный уверенности, и подмигнул, давая понять, что разговор окончен, а его точка зрения — единственно верная.

— До вечера, — сказал он, прикрывая микрофон рукой.
— Я задержусь. Ужин не жди.

Лиза кивнула и вышла в подъезд. Спускаясь по лестнице, она чувствовала, как ступеньки уходят из-под ног.

В офисе все было как обычно. Стекланные перегородки, идеально белые стены, аккуратные столы с ровными рядами мониторов. Ее собственная комната на втором этаже ждала ее. Она вошла, и секретарша Наташа тут же подала ей чашку зеленого чая.

— Доброе утро, Лиза Аркадьевна. Шеф звонил, сказал, что ждет вас в переговорной в девять. С поздравительным тортом, — улыбнулась Наташа.

«Поздравительный торт». Лиза слабо улыбнулась в ответ. Ей казалось, что она идет на собственную казнь. Каждый шаг по коридору отдавался эхом в голове. Она открыла дверь в переговорную и увидела своего шефа, Илью Петровича, по-

жилого мужчину с седой бородкой и умными глазами. Он стоял у окна, держа в руках папку.

— Лиза, дорогая, — сказал он, повернувшись к ней. — Поздравляю. Ты заслужила это.

Она села напротив него. Торт действительно стоял на столе. Белый, с клубникой. Вкусный. Но в горле пересохло.

— Илья Петрович, — начала она, и голос ее дрогнул. — Я не могу подписать этот контракт.

Он удивленно поднял брови. Это был не тот ответ, который он ожидал.

— Что-то случилось? — спросил он спокойно. — Если ты хочешь пересмотреть условия, мы всегда можем...

— Нет, — перебила она, чувствуя, как внутри нее поднимается волна. — Дело не в условиях. Я... я хочу уйти. Со всем.

Она сказала это и почувствовала, как с ее плеч упала гора. В этот момент Илья Петрович посмотрел на нее не как на подчиненную, а как на человека, который что-то понял важное в своей жизни. Он отложил папку.

— Ты уверена?

— Мне нужно найти себя, — прошептала Лиза, удивившись собственным словам. — Я больше не хочу чертить чужие мечты. Я хочу создать свою.

Наступила пауза. Шеф молчал, глядя на нее с любопытством.

— Я не буду тебя останавливать, — сказал он наконец. —

Ты талантливый архитектор, но если твоя душа не лежит к этому, толку не будет. Возьми месяц. Отдохни. Подумай.

Но Лиза знала, что месяц не поможет. Она встала.

— Спасибо, Илья Петрович. За все.

Она вышла из переговорной, не взяв ни торта, ни папки. Она прошла мимо изумленной Наташи, мимо коллег, которые уже собирались ей аплодировать, и вышла на улицу. Свежий осенний воздух ударил в лицо, смешанный с запахом бензина и мокрого асфальта. Небо было серым, моросил дождь, но для Лизы этот дождь был первым по-настоящему чистым ощущением за последние несколько лет.

Она не знала, куда идет. Просто брела по улицам, не разбирая дороги. Проспекты сменились переулками, шум города стих, и она неожиданно вышла к старому, почти заброшенному книжному магазину на углу Малой Морской.

Вывеска была почти стерта, но стекла витрины сияли чистотой. Внутри горел теплый желтый свет. Она толкнула тяжелую дубовую дверь, и над ее головой зазвенел старый колокольчик.

Магазин был странным. Книги громоздились повсюду: на полу, на столах, на высоких стеллажах, уходящих к потолку. Здесь пахло бумагой, пылью и временем. И в этом запахе было что-то такое, отчего сердце Лизы забилося быстрее. Она провела рукой по корешкам старых томов, чувствуя под пальцами шероховатую ткань переплетов.

— Ищете что-то конкретное? — раздался голос откуда-то

из глубины.

Она обернулась и увидела его. Он стоял в проеме между стеллажами, опершись плечом о деревянную стойку. Он был не похож на тех мужчин, которых она привыкла видеть в своем мире. На нем был старый вязаный свитер с высоким воротом, выдавшие виды джинсы, а на носу — очки в тонкой металлической оправе. Его волосы были светло-русыми, почти пепельными, и падали на лоб небрежной прядью. Но самое главное — это были его глаза. Зеленые, глубокие, с каким-то мерцающим светом. В них не было ни капли оценки, ни желания произвести впечатление. Только искреннее, чистое любопытство.

Лиза замерла. В этом книжном хаосе, в этом странном человеке было что-то, что заставило ее забыть, зачем она сюда пришла.

— Я... не знаю, — честно ответила она. — Просто зашла.

Он улыбнулся. Это была простая, теплая улыбка, которая осветила его лицо и на мгновение сделала его почти нереальным.

— Лучший способ зайти в книжный, — сказал он. — Ждать, пока книга сама тебя найдет.

Он подошел ближе, и Лиза заметила, что в руке он держит старую потрепанную книгу. «Мастер и Маргарита». Она не раз читала этот роман, но сейчас, в его руках, он выглядел как талисман.

— Вы читали? — спросил он, проследив за ее взглядом.

— Несколько раз, — ответила она, чувствуя, как краска заливает ее щеки. Глупо. Она, взрослая женщина, тридцать минут назад бросившая карьеру, сейчас краснеет, как школьница.

— А я перечитываю каждый год, — сказал он. — Каждый раз нахожу что-то новое. Особенно про ту главу, где Маргарита летит над городом. Знаете, это ведь про свободу. Про выбор.

Его слова прозвучали как выстрел в самое сердце. Про свободу. Про выбор. Именно об этом она думала все утро.

— А что вы выбираете? — спросила Лиза, сама не ожидая от себя такой смелости.

Он слегка наклонил голову, изучая ее. Не как мужчина женщину, а как человек, читающий интересную книгу, пытающийся понять ее суть.

— Я выбираю оставаться здесь, — просто сказал он. — В моем мире книг. Это безопасно. Это честно. Хотя, говорят, это бегство от реальности. Но я считаю, что книги — это и есть реальность. Только очищенная от шума.

Лиза почувствовала, как внутри нее рождается странное тепло. Она смотрела на него, и в ее голове проносились обрывки мыслей. Почему она сбежала от жениха? Почему офис показался ей клеткой? И почему здесь, среди этой пыли и старых страниц, она чувствует себя живой?

— Меня зовут Лиза, — сказала она, протягивая руку.

— Саша, — ответил он, пожимая ее ладонь. Его рука бы-

ла теплой и сухой, с небольшими мозолями, как у человека, который много держит в руках бумагу. — Саша Ветров. Владелец этого книжного рая. Или, как говорят мои друзья, ада.

Она засмеялась. Смех получился легким, почти детским.

— Я хочу написать книгу, Саша, — выпалила она вдруг, сама не понимая, зачем говорит это совершенно незнакомому человеку.

Он не удивился. Не засмеялся, как Марк. Наоборот, его глаза зажглись еще ярче.

— Значит, у вас есть история, — сказал он. — И вы ищете способ ее рассказать.

— Да, — выдохнула она.

— Тогда проходите, — он кивнул в глубь магазина. — Я сделаю чай. И вы мне все расскажете.

Лиза шагнула за ним. Она шагнула в неизвестность, оставив за спиной серый офис, идеального жениха и ту Лизу, которую все знали. Шагнула в книжный магазин, где пахло временем и свободой.

Она села в старое кресло с вытертой обивкой, пока Саша возился с чайником на маленькой электрической плите в углу. За окном моросил дождь, завывал ветер, и этот звук перекрывал тихий звон колокольчика над входной дверью.

— Рассказывайте, — сказал он, протягивая ей кружку с дымящимся чаем. — С чего начинается ваша история?

Лиза взяла кружку, ощущая тепло, разливающееся по пальцам. И, глядя в его зеленые глаза, поняла, что сейчас она

впервые в жизни не играет роль. Она просто есть. И это ощущение было самым прекрасным, что она испытала за долгие годы.

— С того, что я перестала бояться, — начала она. И улыбнулась.

Время в этом магазине текло по-особенному. Лиза не заметила, как пролетел час. Она говорила, и слова лились из нее потоком, которого она сама от себя не ожидала. О своем детстве, о дедушке-инженере, который научил ее любить линии и чертежи, но который умер, так и не увидев ее первых успехов. О матери, которая видела в ней только продолжение себя и постоянно твердила: «Главное — стабильность, Лиза, главное — надежный мужчина». Об отце, который молчал и улыбался, поддакивая жене.

Она рассказала, как попала в «Вертикаль», как ночами сидела над проектами, как продвигалась вверх по карьерной лестнице. И как однажды, стоя на тридцатом этаже строящегося небоскреба и глядя на открывающийся вид, поняла, что не чувствует ни радости, ни гордости. Только холод и пустоту.

Саша слушал ее молча, время от времени поправляя очки. Он не перебивал, не давал советов, не пытался «починить» ее проблемы. Он просто слушал. Это было так необычно — говорить и знать, что тебя слышат. По-настоящему слышат.

— А про Марка... — Лиза запнулась. — Он хороший. Но он видит меня только в том свете, в котором хочет видеть.

Свадьба, дом, дети, собака. Идеальная схема. А я... я боюсь, что в этой схеме потеряю себя окончательно.

Саша налил ей еще чаю.

— Марк — это логика, — сказал он тихо. — А логика требует доказательств. Счастье же доказательств не требует. Оно просто есть. Или его нет.

Она подняла на него глаза. В его словах не было осуждения, только понимание.

— А ты? — спросила она. — Почему ты здесь, в этом магазине? Ты ведь молодой, умный. Мог бы заняться чем-то более прибыльным.

Он усмехнулся, но усмешка его была доброй.

— Этот магазин принадлежал моей бабушке. Я вырос среди этих книг. Еще в школе я прочитал «Над пропастью во ржи» и понял, что хочу быть кем-то вроде Холдена. Но без психиатрической лечебницы, — он засмеялся. — Просто я люблю истории. Я люблю быть их хранителем. Когда человек берет у меня книгу, он берет частичку другого мира. И если ему станет от этого легче, значит, я делаю что-то правильное.

— Но ведь ты мог бы сам писать, — заметила Лиза.

Саша покачал головой.

— Я не умею сочинять. Я умею только отбирать. Собирать чужие слова в аккуратные ряды. Это мой талант. Всегда проще быть критиком, чем творцом.

— А я, наоборот, хочу быть творцом, — призналась она. — Только не знаю с чего начать.

Он посмотрел на нее поверх очков, и в его взгляде было что-то лукавое.

— Ты начала. Ты пришла сюда. Уже начало.

В этот момент раздался звонок мобильного телефона. Лиза вздрогнула, как от удара. Экран высветил имя: «Марк». Она скинула вызов, но через минуту пришло сообщение: «Где ты? Шеф позвонил. Сказал, ты уволилась. Это розыгрыш? Перезвони немедленно».

Лиза почувствовала, как напряжение снова возвращается.

— Мне нужно идти, — сказала она, поднимаясь.

Саша кивнул, не спрашивая причин. Он провел ее до двери. Когда Лиза уже взялась за ручку, он окликнул ее:

— Лиза.

Она обернулась.

— Если хочешь писать, пиши. Не думай о том, какой будет результат. Просто пиши. А если захочешь передохнуть... ты знаешь, где меня найти.

Она вышла на улицу. Дождь уже закончился, и солнечные лучи пробивались сквозь рваные облака, освещая мокрые камни мостовой. Лиза глубоко вздохнула и почувствовала, как холодный воздух наполняет легкие.

В кармане снова завибрировал телефон. Она достала его и, не глядя, написала Марку одно единственное слово: «Я дома». И отключила звук.

Она медленно побрела по улице, и в голове ее уже складывались первые фразы. Первая глава ее книги. И она знала,

как она начнется.

«Она стояла на пороге, не решаясь сделать шаг. Перед ней был выбор: шагнуть в привычный мир, где все понятно и безопасно, или в неизвестность, где пахло книгами и свободой. Она выбрала неизвестность».

Вернувшись в свою пустую квартиру, Лиза не стала включать свет. Она прошла на кухню, села за маленький столик, который стоял у окна, и открыла свой старый ноутбук. Экран загорелся, осветив ее лицо.

Марк не звонил больше. Возможно, он был в ярости. Возможно, он решил, что у нее очередной каприз. Это было неважно. Важно было другое.

Она открыла чистый текстовый документ и поставила пальцы на клавиши. Курсор моргнул, ожидая ее действий. Лиза закрыла глаза и представила себе этот старый книжный магазин, зеленые глаза Саши и тепло кружки в руках. И улыбнулась.

Она начала печатать.

Глава за главой, слово за словом, она создавала новый мир. Там, в этом мире, героиня по имени Лина тоже искала себя, тоже боялась ошибиться, тоже стояла на краю пропасти неизвестности. Но в этом мире была надежда. Было место для чуда. И был странный книготорговец, который не смотрел на часы, потому что для него время измерялось не минутами, а прочитанными страницами и улыбками людей.

Лиза писала до глубокой ночи, пока за окном не зажглись

огни спящего города. Она не чувствовала усталости. Она чувствовала себя живой. Впервые за долгие годы.

Когда она, наконец, откинулась на спинку стула, часы показывали половину первого. В дверь позвонили.

Лиза вздрогнула. Кто мог прийти в такой час? Она подошла к двери, посмотрела в глазок. За дверью стоял Марк. Его лицо было красным от холода, а в глазах горел недобрый огонь.

— Лиза, открой! — крикнул он, ударив кулаком по косяку. — Мы должны поговорить!

Она сжала ручку, чувствуя, как сердце бешено колотится о ребра. Сделать шаг назад и раствориться в своем новом мире или открыть дверь и встретить реальность лицом к лицу?

Она открыла дверь.

— Привет, — сказала она спокойно.

Марк влетел в прихожую, не снимая пальто.

— Что за истерика? Что это за новости про увольнение? Ты меня позоришь? Я узнаю об этом от твоего шефа! Ты вообще в уме?

— Тише, — сказала Лиза, закрывая за ним дверь. — Соседи спят.

— Мне плевать на соседей! — его голос дрожал от злости. — Я все утро пытался до тебя дозвониться. Потом искал тебя по городу. А ты сидишь тут, смотришь в одну точку. Что происходит?

Лиза смотрела на него и видела перед собой совсем другого человека. Не того идеального жениха, которого она знала, а мужчину, для которого ее «неправильное» поведение было лишь досадной помехой в его идеально распланированной жизни.

— Я разрываю помолвку, Марк, — сказала она, и слова упали в тишину, как камни.

Он замер. Его лицо вытянулось, глаза расширились.

— Что? Ты... ты шутишь?

— Нет, не шучу. Я не могу выйти за тебя замуж. Не могу быть твоей тенью, твоим проектом, твоей красивой женой, которая будет стоять рядом на бесконечных приемах и улыбаться. Я хочу быть собой. И я только начала понимать, кто я есть. И рядом со мной должен быть человек, который будет смотреть на меня, а не на мое место в своей схеме.

На несколько секунд в квартире повисла мертвая тишина. Марк стоял неподвижно, затем его лицо исказила гримаса горькой усмешки.

— Вот оно что... — сказал он, понизив голос. — Ты нашла себе кого-то? Какого-нибудь нищего художника? Или этого, из книжного?

Лиза вздрогнула. Откуда он знает про книжный магазин? Она быстро сообразила: в телефоне была включена геолокация. Он видел ее передвижения.

— Ты следил за мной? — спросила она, чувствуя отвращение.

— Я переживал! — рявкнул он. — А ты, как оказалось, уволилась, чтобы шататься по всяким подозрительным местам. Лиза, очнись! Это не ты. Это какой-то кризис. Я понимаю, у тебя стресс. Но я готов помочь тебе. Мы поедем к психологу, мы...

— Я не хочу к психологу, — перебила она. — Я хочу жить. Слышишь? Жить! Я устала быть «правильной». Устала быть «успешной». Устала быть невестой Марка Скворцова.

Она сделала шаг вперед, чувствуя, как гнев и боль смешиваются в ней в яростный коктейль.

— Ты никогда не спрашивал меня, чего я хочу, Марк. Ты просто говорил мне, что я хочу. Ты даже в постели... — она запнулась, но решила договорить, — ты даже в постели делал все по своему плану. Чтобы мне было «хорошо». Но не так, как мне надо, а так, как ты считаешь правильным. Я устала быть функцией, Марк. Я хочу быть человеком.

Он побледнел. Его челюсть сжалась так сильно, что обозначились желваки. Он сделал шаг назад, к двери.

— Ты пожалеешь, — тихо сказал он. — Ты вернешься ко мне. Потому что мир за пределами моей «схемы», как ты говоришь, слишком жесток для таких, как ты. Ты ищешь воздух, но там, где ты ищешь, его нет. Только грязь и разочарование.

— Я готова к этому, — сказала Лиза, глядя ему прямо в глаза.

Марк развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что со

стены упала картина.

Лиза осталась одна. Она прислонилась спиной к стене и медленно сползла вниз, садясь на пол. Руки дрожали, но на душе было легко. Слишком легко. Как будто она сбросила с плеч многопудовый груз.

Она подняла голову и посмотрела на экран ноутбука. Там все еще мигал курсор, ждал ее. Она поднялась, села за стол и продолжила писать. Теперь в ее рассказе героиня по имени Лина тоже разрывала помолвку с богатым и холодным адвокатом и убегала в неизвестность.

«И она знала, что у нее ничего нет, кроме ее решимости и пустого блокнота. Но впервые за долгие годы она чувствовала, что дышит полной грудью. И это чувство стоило любых денег».

Прошла неделя. Лиза почти не выходила из дома, но каждое утро она вставала и писала. Она писала о доме с фонарями, о тайнах, скрытых в старых стенах, и о том, как однажды встреча может перевернуть всю жизнь.

Марк не звонил. Родители, узнав о разрыве от Марка, закатили скандал. Мать рыдала в трубку: «Ты все испортила! Он был таким хорошим!» Отец молчал, но Лиза знала, что он разочарован. Но она не чувствовала вины. Она чувствовала только облегчение.

В пятницу, когда солнце снова выглянуло из-за туч, она решилась. Оделась просто: джинсы, свитер, мягкие ботинки. Она взяла свой ноутбук и пошла к нему.

В книжном магазине было тихо. Звон колокольчика разнесся по помещению, но Саши за прилавком не было. Лиза прошла вглубь, туда, где они пили чай в прошлый раз. И увидела его сидящим в кресле с книгой в руках. Он поднял голову, и когда их взгляды встретились, она поняла, что именно этого ей не хватало все эти дни.

— Привет, — сказала она, улыбнувшись.

— Привет, — ответил он, откладывая книгу. — Я ждал тебя.

— Откуда ты знал, что я приду?

— Ты пришла за историей, — просто сказал он. — А истории всегда возвращаются туда, где их ждут.

Она подошла и села в кресло напротив него. Положила ноутбук на стол.

— Я написала первые три главы, — сказала она, чувствуя, как внутри разрастается теплая, живая волна. — Я хочу, чтобы ты прочитал. Ты... будешь моим первым читателем?

Он взял ноутбук, его пальцы легко коснулись ее руки. От этого прикосновения по коже пробежал электрический разряд. Лиза задержала дыхание.

— С удовольствием, — сказал Саша, и его зеленые глаза улыбнулись ей.

Там, где слова обретают вес

Она не знала, почему так нервничает. В конце концов, это был просто текст. Набор букв на белом фоне. Она писала его для себя, и если честно, то никогда не думала, что покажет кому-то. Но сейчас, глядя на то, как Саша медленно перелистывает страницы её рукописи на экране ноутбука, Лиза чувствовала то же самое, что чувствовала в детстве, когда впервые выходила на сцену школьного театра. Тот же ком в горле, то же бешено колотящееся сердце и то же желание провалиться сквозь землю.

Саша читал молча. Его лицо оставалось непроницаемым — ни одобрительной улыбки, ни нахмуренных бровей. Он просто смотрел на экран, изредка поправляя очки, а Лиза сидела напротив и сжимала в ладонях остывшую кружку чая. Она уже пожалела, что пришла. Зачем она это сделала? Зачем открыла душу человеку, которого видела всего второй раз в жизни? Глупо. По-детски глупо.

— Лиза, — наконец сказал он, отрывая взгляд от экрана.

Его голос звучал ровно, но в нём было что-то, что заставило её замереть. Что-то тёплое, почти нежное.

— Да? — выдохнула она, боясь услышать приговор.

Саша снял очки и положил их на стол. Он посмотрел на неё в упор, и в его зелёных глазах она увидела нечто, от чего у неё перехватило дыхание. Не снисхождение, не жалость.

Искреннее, глубочайшее уважение.

— Это прекрасно, — сказал он.

Лиза не поверила своим ушам.

— Что?

— Это прекрасно, — повторил он. — Ты пишешь так, как будто живёшь внутри своих строк. Я не просто читал — я видел. Я видел ту улицу, тот дом, тот фонарь, который мигал в твоей первой главе. Я слышал шум дождя. Я чувствовал запах старой бумаги. Лиза, это талант. Настоящий.

От его слов по телу разлилось тепло. Такого она не ожидала. Она привыкла к тому, что её хвалят за проекты, за выверенные чертежи, за безупречную логику. Но чтобы хвалили за что-то, что шло из самого сердца, из самого нутра, — такого не было никогда.

— Ты не врёшь? — тихо спросила она.

— Я никогда не вру, когда дело касается книг, — улыбнулся Саша. — Это единственное, в чём я абсолютно честен.

Она выдохнула, и напряжение, которое сковало её плечи, наконец отпустило. Она откинулась на спинку кресла и почувствовала, как уголки губ сами собой расплываются в улыбке.

— Я боялась, что это полная ерунда, — призналась она. — Что я просто развлекаюсь и трачу время.

— Время, потраченное на творчество, никогда не бывает потрачено зря, — ответил Саша. — Но слушай, я хочу сказать тебе кое-что важное. Как читатель. Не как критик.

Она насторожилась.

— Да?

— Твоя героиня — Лина — она... слишком идеальна. Слишком правильна. Она разрывает помолвку, уходит с работы, идёт в неизвестность. Это красиво. Но в этом нет боли. А без боли нет настоящей жизни. Ты показала нам её поступки, но не показала её страх. А страх — это самое главное. Без страха нет смелости.

Лиза задумалась. Он был прав. Она настолько старалась сделать свою героиню сильной, что забыла показать её уязвимость. Она забыла показать те моменты, когда та сомневалась, плакала в подушку по ночам, хотела всё бросить и вернуться в привычную, безопасную колею.

— Как ты это понял? — спросила она.

— Потому что ты сама такая, — просто ответил Саша. — Ты пришла ко мне, улыбалась, говорила о свободе, но я видел твои глаза. В них был страх. Ты боялась, что я скажу, что это ерунда. Ты боялась, что твой поступок был ошибкой. Ты всё ещё боишься. И это нормально. Это делает тебя живой.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то переворачивалось. Он видел её насквозь. Всего за два раза. Марк не видел её такой за пять лет. Её собственные родители не видели. А этот странный книготорговец с зелёными глазами, который жил среди пыльных томов, разглядел её с первого взгляда.

— А ты? — спросила она, пытаясь перевести разговор на него. — Ты чего боишься?

Саша усмехнулся и провёл рукой по волосам. Жест был небрежным и одновременно очень искренним.

— Я боюсь, что однажды проснусь и пойму, что прожил чужую жизнь, — сказал он. — Что я остался здесь, в этом магазине, не потому, что я этого хотел, а потому, что боялся сделать шаг наружу. Боялся, что мир за этими стенами слишком большой и слишком шумный. Что я потеряюсь в нём.

— Но ты же счастлив здесь? — спросила Лиза.

— Счастлив? — он задумался. — Я спокоен. Это не одно и то же. Спокойствие — это как тёплое одеяло зимой. Уютно, но не жарко. А счастье — это огонь. Оно обжигает, оно заставляет двигаться, искать. Я слишком долго сижу под своим одеялом.

Лиза почувствовала, как между ними возникла странная связь. Они оба стояли на пороге: она — выбежав из своей клетки, он — раздумывая, не выйти ли из своей. И эта параллель пугала её и одновременно притягивала.

— Саша, — сказала она, сама не понимая, зачем говорит это. — Я хочу, чтобы ты прочитал всё. Всю книгу, когда я её допишу. Ты будешь моим редактором?

Он удивлённо поднял брови.

— Я никогда не был редактором. Я только читатель.

— Этого достаточно, — ответила она. — Ты увидел то, чего не видела я. Значит, ты нужен мне.

Они замолчали. В книжном магазине было тихо, лишь где-то в углу тикали старые часы. Солнце уже клонилось к за-

кату, и косые лучи пробивались сквозь пыльные окна, освещающая стеллажи тёплым золотым светом. В этом свете Саша казался ей почти нереальным. Как персонаж, сошедший со страниц её же книги.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я буду читать. Но предупреждаю: я строгий читатель. Я буду придираюсь к каждому слову. Ты готова к этому?

Лиза кивнула.

— Я готова.

Следующие три дня она почти не спала. Она вставала в пять утра, когда город ещё спал, и садилась за ноутбук. Чай остывал рядом, она не замечала этого. Она писала и переписывала, переставляла слова, искала нужные интонации. Она впустила в свою историю страх. Теперь её героиня не просто уходила из офиса — она дрожала, оглядываясь назад. Она не просто разрывала помолвку — она плакала, забившись в угол, и сжимала в руках обручальное кольцо, которое так и не решилась выбросить.

Она добавила сцену, где Лина сидит в пустой квартире и смотрит на телефон, ожидая звонка от бывшего жениха. И одновременно боится, что он позвонит. Потому что тогда ей снова придётся делать выбор. И она не знает, хватит ли у неё сил выбрать себя.

Лиза перечитала написанное и почувствовала, как по спине пробегают мурашки. Теперь это было по-настоящему. Теперь это было больно. И это было правильно.

В четверг вечером она снова пришла в магазин. На этот раз Саша ждал её у входа. На нём был тот же старый свитер, но волосы были влажными, словно он только что мыл голову. Он улыбнулся ей, и эта улыбка согрела её изнутри.

— Я прочитал, — сказал он, не дожидаясь её вопроса.

— И? — Она затаила дыхание.

— Ты добавила страх. Ты добавила боль. Теперь это не просто история — это исповедь. Лиза, у тебя получилось.

Она почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она сдержала их, но внутри всё дрожало.

— Это твоя заслуга, — сказала она. — Ты заставил меня посмотреть правде в глаза.

— Я только показал тебе то, что ты сама знала, — возразил он. — Ты уже носила это в себе. Я просто разрешил тебе это вытащить.

Он протянул руку и коснулся её плеча. Прикосновение было лёгким, почти мимолётным, но Лиза почувствовала, как от него по всему телу пробегает электрическая волна. Она подняла на него глаза, и в этот момент между ними словно пробежала искра. Не та искра, о которой пишут в романах, а настоящая, живая, обжигающая.

— Саша, — прошептала она, — я не знаю, что происходит. Я не понимаю этого.

— Я тоже не знаю, — ответил он, и голос его дрогнул. — Но я знаю, что когда ты здесь, воздух становится другим. Более... плотным. Более настоящим.

Она шагнула к нему. Ещё один шаг. Теперь она стояла так близко, что могла разглядеть каждую ресницу, каждую веснушку на его лице. Он пах книжной пылью, деревом и чем-то ещё неуловимым, что она не могла определить.

— Ты боишься, — сказала она, повторяя его же слова. — Я вижу.

— Да, — признался он, не отводя взгляда. — Я боюсь. Потому что я понял, что теряю контроль. А я привык контролировать всё. Мои книги, мой мир, мою жизнь. А ты ворвалась в неё, как ураган. И я не знаю, что делать с этим ураганом.

— Может быть, не надо ничего делать, — тихо сказала она. — Может быть, надо просто позволить ему быть.

Он сделал вдох, и Лиза видела, как напряглись его плечи. Она чувствовала его дыхание на своей коже. Оно было тёплым и немного рваным. Она знала, что если сейчас сделает ещё один шаг, если коснётся его, то назад дороги не будет. И она сделала этот шаг.

Она прикоснулась к его щеке. Её пальцы скользнули по его скуле, и он закрыл глаза, как в прошлый раз. Но сейчас это было иначе. Сейчас он не просто наслаждался прикосновением — он отдавался ему целиком.

— Лиза, — прошептал он.

— Что?

— Если мы сейчас поцелуемся, я не смогу остановиться. Я хочу быть честным с тобой. Я хочу тебя. Всю. Но я боюсь,

что это разрушит ту хрупкую вещь, что мы строим.

Она посмотрела в его глаза, и в них она увидела то же, что чувствовала сама. Желание, смешанное со страхом. Надежду, смешанную с отчаянием.

— Тогда не останавливайся, — сказала она.

Он наклонился к ней и поцеловал. Этот поцелуй был не таким, как в прошлый раз. Тогда он был лёгким, почти невесомым. Сейчас он был глубоким, жадным, как глоток воды в пустыне. Он обнимал её так, будто хотел растворить в себе. Его руки скользнули по её спине, прижимая её к себе. Она запустила пальцы в его волосы, чувствуя, как они путаются в её руках.

Время остановилось. Не было ни книг, ни старого магазина, ни города за окном. Был только он, она и их дыхание, смешивающееся в единый ритм. Когда они отстранились, оба тяжело дышали. Его щёки покраснелись, глаза блестели.

— Это... — начал он, но она прервала его.

— Не надо говорить, — прошептала она. — Просто будь.

Он кивнул и прижал её к себе. Она уткнулась лицом в его свитер, вдыхая его запах. Она чувствовала, как бьётся его сердце. Сильно, часто, неритмично. Так же, как и её.

Они стояли в обнимку в старом книжном магазине, и за окнами уже зажигались огни ночного города. Где-то там, за пределами этих стен, был её бывший жених, который, возможно, всё ещё злился. Были её родители, которые не понимали её. Была работа, которую она бросила. Но здесь, сей-

час, ничего этого не существовало. Существовал только он — Саша Ветров, владелец книжного рая, который разрушил все её планы и построил новые, о которых она даже не мечтала.

— Лиза, — сказал он, отстраняясь. — Ты хочешь остаться? На ужин? Я знаю одно место.

Она улыбнулась.

— А если я скажу, что хочу остаться здесь? В этом магазине?

Он удивлённо поднял брови.

— Здесь нет ничего, кроме книг и старого дивана.

— Мне и не нужно ничего, — ответила она. — Я хочу побыть с тобой. Наедине. Без шума, без людей, без лишних вопросов. Ты можешь читать мне вслух. Я хочу слышать твой голос.

Саша посмотрел на неё так, как смотрят на чудо. С изумлением, с благоговением, с чем-то таким, от чего у неё перехватило дыхание.

— Хорошо, — сказал он. — Я прочитаю тебе свою любимую главу.

Он взял её за руку и повёл вглубь магазина, туда, где у стены стоял старый, потёртый диван с выцветшей обивкой. Он усадил её, а сам сел на пол, прислонившись спиной к дивану. Затем взял с полки книгу — старую, с потёртым корешком — и открыл её.

— Это «Мастер и Маргарита», — сказал он. — Ты пом-

нишь, я говорил. Про главу, где Маргарита летит.

— Да, — кивнула Лиза.

Он начал читать. Его голос был тихим, но в нём была такая сила, такая глубина, что она забыла, как дышать. Он читал о Маргарите, которая превратилась в ведьму и полетела над ночной Москвой. О её свободе, о её силе, о том, как она была готова на всё ради любви.

— «Простите меня, — прошептала она, когда он закончил. — Я не знала, что тексты могут звучать так».

Он повернулся к ней, и в его глазах горел тот же огонь, что и у Маргариты.

— Тексты звучат так, если их читать с душой, — сказал он. — Ты пишешь именно так. С душой.

Она наклонилась и поцеловала его в макушку.

— Я хочу подарить тебе что-то, — сказала она.

— Что?

— Когда я допишу книгу, я поставлю на первой странице: «Посвящается Саше Ветрову, который показал мне, что слова имеют вес».

Он замолчал. Его плечи напряглись, и она поняла, что он взволнован.

— Лиза, — сказал он, и голос его дрогнул, — я не знаю, что я сделал, чтобы заслужить это.

— Ты был собой, — просто ответила она. — Этого достаточно.

Они просидели в магазине до глубокой ночи. Саша читал

ей вслух, она слушала, иногда вставляя свои комментарии. Они пили чай с печеньем, которое он нашёл где-то в подсобке, и смеялись над глупыми историями из его жизни.

Он рассказывал, как однажды в магазин залетела голубка и перепугала всех покупателей. Как старушка принесла ему книгу 1932 года и попросила продать, а он узнал в ней редкий экземпляр и вернул его ей, потому что не мог взять деньги за семейную реликвию. Как он однажды заснул на диване с книгой в руках и проспал до утра, а когда проснулся, обнаружил, что его укрыли пледом — кто-то из посетителей сжалился.

Лиза слушала его и думала о том, как много в нём этого — доброты, честности, той особенной чистоты, которой так не хватало в её прежней жизни. Рядом с ним всё казалось простым и настоящим.

— Знаешь, — сказала она, когда часы пробили час ночи, — я ведь никогда не думала, что смогу вот так — сидеть в чужом магазине в час ночи и слушать чтение вслух. Я всегда считала это чем-то... несерьёзным. Детским.

— А теперь?

— А теперь я понимаю, что это единственное серьёзное, что было в моей жизни за последние годы, — ответила она. — Остальное — это была бутафория. Декорации.

Саша повернулся к ней и взял её руки в свои. Его пальцы были тёплыми и шершавыми.

— Лиза, я должен сказать тебе что-то, — начал он, и в его

голосе послышалось напряжение.

— Говори, — прошептала она.

— Я не знаю, как долго это продлится. Я не знаю, что будет завтра. Но я знаю, что эти дни, которые мы провели вместе, стали самыми важными в моей жизни. Я не хочу тебя никуда торопить. Не хочу, чтобы ты чувствовала давление. Я просто хочу, чтобы ты знала: если тебе когда-нибудь станет страшно, если ты усомнишься в себе — я буду здесь. Я всегда буду здесь.

Она почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза. Она не плакала уже много лет — она считала, что слёзы — это слабость. Но сейчас слёзы были не от боли. От благодарности.

— Саша, — сказала она, — у меня нет слов.

— Не нужно слов, — ответил он, притягивая её к себе. — Просто будь здесь.

Она уткнулась лицом в его плечо и закрыла глаза. Его рука гладила её по голове, и она чувствовала, как все тревоги уходят, растворяются в тишине этого магазина, в этом запахе старых книг и его тепла.

— Ты останешься? — спросил он шепотом.

— Останусь, — ответила она.

Она проснулась от того, что где-то за окном пела птица. Было светло. Солнечные лучи пробивались сквозь жалюзи, оставляя на полу полосатый узор. Она лежала на старом диване, укрытая его свитером. Саша сидел рядом на полу, при-

слонившись головой к дивану, и спал. Его лицо было безмятежным, дыхание ровным. Во сне он казался моложе, почти мальчишкой.

Лиза смотрела на него и не могла поверить, что это происходит с ней. Что она, Лиза Соболева, которая всегда всё контролировала, которая всегда планировала, провела ночь в книжном магазине на старом диване в обнимку с владельцем. Её родители упали бы в обморок. Её бывший жених наверняка бы назвал это «деградацией». Но ей было плевать.

Она осторожно перебралась на пол, села рядом с ним и положила голову ему на плечо. Он пошевелился, открыл глаза и, увидев её, улыбнулся.

— Доброе утро, — прошептал он.

— Доброе утро, — ответила она. — Ты плохо спал?

— Я спал рядом с тобой, — сказал он. — Лучше нельзя было.

Она засмеялась, и её смех разнёсся по тихому магазину, отражаясь от высоких стеллажей. Она чувствовала себя так свободно, так легко, как не чувствовала себя никогда.

— Саша, — сказала она, поворачиваясь к нему. — Я хочу, чтобы ты пошёл со мной сегодня.

— Куда?

— Я хочу показать тебе место. Где я провела всё своё детство. Там, где я впервые поняла, что такое красота.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Уверена.

Они встали, быстро привели себя в порядок. Саша запер магазин, и они вышли на улицу. Утро было хрустальным — небо ясное, воздух холодный и свежий. Город только просыпался, и в этом было что-то уютное, домашнее.

Она повела его в парк, который находился на окраине города. Это был старый, почти заброшенный парк с вековыми дубами и покосившейся беседкой. Здесь никто не гулял, потому что парк был слишком далеко от центра, но Лиза любила его. Она приходила сюда в детстве с дедушкой, который показывал ей, как падает свет сквозь листву, как играют тени на земле.

— Здесь я впервые поняла, что хочу создавать красивое, — сказала она, останавливаясь у старого дуба. — Мой дедушка говорил: «Лиза, смотри, как природа рисует. Не торопись. Учись видеть». И я смотрела. Часами. А потом бежала домой и пыталась нарисовать это. Получалось плохо, но я пыталась.

Саша стоял рядом, слушал её, и в его глазах было что-то такое, что делало этот момент вечным.

— Я хочу показать тебе ещё кое-что, — сказала она, беря его за руку.

Она повела его к беседке. Та была старой, с облезшей краской, но внутри сохранилась деревянная скамья, на которой когда-то они сидели с дедушкой.

— Я хочу написать сцену здесь, — сказала она. — В своей

книге. Где Лина и её герой сидят в такой же беседке, и он читает ей стихи.

— Какие стихи? — спросил Саша.

— Я ещё не придумала, — улыбнулась она. — Но я хочу, чтобы они были о свободе. О том, как важно не бояться быть собой.

Он сел на скамью и похлопал рядом с собой. Лиза села, и они замолчали. Вокруг них шумели деревья, ветер играл с листьями, где-то вдалеке лаяла собака. Обычное утро. Обычный парк. Но с ним оно было необычным.

— Лиза, — сказал Саша, не глядя на неё. — Я хочу сказать тебе кое-что. Я не знаю, правильно ли это. Но я должен.

Она насторожилась.

— Говори.

Он повернулся к ней, и в его глазах была решимость, которую она не видела раньше.

— Я влюблён в тебя. По-настоящему. Не в твою историю, не в твою книгу, не в твою идею. В тебя. В ту девушку, которая пришла в мой магазин в дождь и сказала, что хочет написать книгу. В ту, которая уволилась с работы, разорвала помолвку и шагнула в неизвестность. В ту, которая спит на старом диване и смеётся над моими глупыми историями.

У Лизы перехватило дыхание. Она смотрела на него и не могла вымолвить ни слова. Внутри неё всё дрожало — от страха, от радости, от чего-то такого большого, что не помещалось в груди.

— Саша, — прошептала она, — я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, — попросил он. — Просто позволь мне быть рядом. Позволь мне любить тебя. Даже если это будет длиться всего один день. Один месяц. Один год. Я хочу быть частью твоей жизни. И твоей книги. Даже если я просто останусь на заднем плане. Это будет иметь значение для меня.

Она не выдержала. Она наклонилась к нему и поцеловала его. Долго, крепко, как будто хотела передать ему все чувства, которые не могла выразить словами. Он ответил на поцелуй, и в этом было столько нежности, что у неё закружилась голова.

— Я тоже люблю тебя, — сказала она, когда они оторвались друг от друга. — Я только сейчас это поняла. Но я люблю тебя. И я хочу быть с тобой. Что бы ни случилось.

Он улыбнулся, и его зелёные глаза засияли так ярко, как будто в них зажглось солнце.

— Тогда у нас есть всё, — сказал он. — У нас есть мы. И у нас есть слова. А больше ничего не нужно.

Они сидели в старой беседке, держась за руки, и смотрели, как солнечные лучи пробиваются сквозь густую листву. Где-то далеко шумел город, где-то спешили люди, строили планы, ссорились и мирились. А здесь, в этом маленьком уголке, было тихо и спокойно.

Лиза знала, что впереди их ждёт много испытаний. Ей придётся закончить книгу, найти издателя, разобраться с

прошлым, которое не хотело её отпускать. Он, возможно, столкнётся со страхом перед большим миром, который он так долго избегал. Но сейчас, в эту минуту, всё было правильно.

И она знала, что напишет эту сцену. И назовёт её «Там, где слова обретают вес».

Они вернулись в магазин только к вечеру. За день они обошли почти полгорода — ели мороженое в парке, сидели на набережной, смотрели на проходящие корабли. Саша купил ей маленький букет полевых цветов, который она держала в руках, и ей казалось, что вместе с этим букетом она держит в руках своё новое счастье.

Когда они вошли в магазин, Лиза заметила, что на столе лежит конверт. Тот, которого не было утром. Она подошла и взяла его. Внутри была записка.

«Лиза, я знаю, что ты была здесь. Я знаю, что ты с ним. Ты думаешь, что нашла счастье? Я всё равно тебя верну. Ты не представляешь, как я зол. И как я люблю тебя. Ты — моя. И ты всегда будешь моей.

Марк».

Лиза почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она сжала записку в руке, но ничего не сказала Саше.

— Что это? — спросил он, подходя ближе.

— Ничего, — ответила она, пряча письмо в карман. — Просто... счёт.

Она улыбнулась, но улыбка вышла натянутой. Она не хо-

тела портить этот вечер, не хотела впускать Марка в их мир. Но она знала, что его тень ещё долго будет преследовать её.

— Саша, — сказала она, беря его за руку. — Я хочу остаться у тебя на ночь. Прямо здесь. Я хочу, чтобы ты обнимал меня, пока я пишу. Чтобы я чувствовала твоё тепло. Чтобы знала: я не одна.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде она увидела понимание. Он не стал задавать вопросов. Просто кивнул.

— Тогда иди сюда, — сказал он, обнимая её. — Я никуда тебя не отпущу.

Она закрыла глаза и почувствовала, как страх уходит. Её новая жизнь начиналась. И в этой жизни было место для книг, для свободы, для любви. И для него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.